

Аркадий Аверченко

СОРНЫЕ ТРАВЫ

УДК 82-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А19

Аверченко, А.

А19 Сорные травы / А. Аверченко. — М. : Т8RUGRAM. — 248 с.

ISBN 978-5-519-62898-3

Аркадий Аверченко (1881–1925) — прославленный писатель-сатирик, драматург, театральный критик и редактор знаменитых периодических изданий «Сатирикон» и «Новый Сатирикон».

«Сорные травы» — сборник удивительных рассказов, в которых представлена вся палитра комического: от наивного, мягкого юмора до жестокого и желчного сарказма. Аверченко показывает абсурдность жизни некоторых обывателей, а его чувство юмора не оставляет равнодушным ни одного читателя.

УДК 82-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
ЧАСТЬ I. ЧЕРТОПОЛОХ И КРАПИВА.....	11
Былое	13
Редактор «Собакиной жизни»	17
Под сводом законов	22
Корибу	27
Проверочные испытания	31
Сон в зимнюю ночь.....	36
Мудрый судья	40
Грозное местоимение.....	43
Виктор Поликарпович.....	47
Простой счет.....	52
Кустарный и машинный промысел	55
Тихий океан.....	60
Отцы и дети.....	63
Человек-зверь	69
Новое о Чехове.....	75
Жвачка	80
Последний экипаж	82
Душевная драма Феди Зубрякина.....	86
Занзивеев.....	90
Кавказская история.....	94
Новые правила.....	98
Первый весенний выход Меншикова.....	104
Записки трупа.....	109
Дешевая жизнь	115
Глупые и умные	121
Конец журналиста	129
Кремень.....	131
Случай с ревизором.....	135

Хлопотливая нация	146
Тяжелое занятие	151
Каторга	155
Национализм	158
Болезнь	163
«Колокол»	168
Случай с Симеоном Плюмажевым	171
Шиворот-навыворот	176
Страшное издание	180
Клевета	184
На разных языках	188
Граждане	191
ЧАСТЬ II. Бурьян	197
Страшное преступление в кабаке дяди Стамати	199
Изумительный случай	206
Гордиев узел	211
На «Французской выставке за 100 лет»	216
Золотые часы	219
ЧАСТЬ III. Цветики в траве	225
Начальство	227
Поздравитель	229
Удивительная газета	232
Теоретики	234
Цепи	236
Стиль — человек	238
Совесть	240
Ценитель искусства	241
Энтузиаст	243
Московское гостеприимство	244
Законный брак	245

Фома Опискин

СОРНЫЕ ТРАВЫ

Предисловие

Прежде, чем сказать что-нибудь об этой книге, я считаю необходимым сказать несколько слов об её авторе.

Кто такой Фома Опискин?

Многие из читателей считали и до сих пор считают «Фому Опискина» псевдонимом какогонибудь скромного, скрывающего свое настоящее имя, писателя; читателей сбило с толку сходство имени и фамилии этого юмориста с именем и фамилией популярного персонажа из повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели».

Это совершенно случайное совпадение.

Фома Степаныч¹ Опискин — это настоящее имя и фамилия сатирического писателя и постоянного сотрудника журнала «Новый Сатирикон». Фома Степаныч происходит из мелкопоместных бедных дворян Екатеринославской губернии, Славяносербского уезда. Отец его Степан Селиваныч² служил в должно-

¹ И опять совпадение — в отчестве Ф.О. и в названии села у Достоевского (Степаныч — Степанчиково)

² И опять уже третье по счету, удивительное совпадение: «Селиваныч — село Степанчиково» — один и тот же корень «сел.»

сти воинского начальника в г. Славяносербске, и в 1890 году вышел в отставку, занявшись воспитанием своего сына.

Молодой Фома рос, окруженный самой нежной заботливостью, самыми нежными попечениями. Он сам рассказывает, что не помнит ни одного случая, чтобы отец когда-нибудь ударил его палкой или каким-нибудь другим предметом. Наоборот, если родительская рука и поднималась или и опускалась на маленького Фому, то только для того, чтобы приласкать его...

Ясно, что в этой атмосфере и создалась душа нежная, чуткая, сердце доброе и возвышенное...

Кроме этих свойств, я должен указать еще на одно, — пожалуй, на самое главное Фома Степаныч отличается исключительной, пожалуй, даже болезненной скромностью и застенчивостью. В этом всякий читатель может сразу убедиться, — едва только раскрыв «Сорные травы». В начале книги помещен портрет Фомы Степаныча — и что же! Фома Степаныч снят там в совершенно оригинальном виде — с лицом, закрытым руками. Даже в таком виде нам стоило громадного труда уговорить его стать перед фотографическим аппаратом. Тщетно мы указывали ему на то, что читателям будет приятно увидеть лицо человека, с которым они духовно сжились и которого они так любят за независимость и ядовитость его сатиры.

— Нет нет, — кротко упираясь, возражал Фома Степаныч. — Зачем же... кому это интересно?..

— Уверю тебя, Фома, это нужно, — уговаривал его Ре-Ми. — Ты такой красивый, и всем будет приятно полюбоваться на твое лицо.

— Пусть любят моим духовным лицом, а не физическим. Физическая красота преходяща, а духовное лицо остается.

— Фома, Фома! Вот поэтому-то и нужно запечатлеть то, что преходяще, то, что исчезнет. А вдруг ты скоро умрешь? Неужели, после тебя не останется ни одного следа, ни одного портрета, который бы напоминал твоим читателям и нам, твоим друзьям, о тебе...

— Нет, нет...

Упирающегося писателя подтащили к аппарату, поставили в позу, — но одного предусмотреть не могли: в момент, когда фотограф сказал «готово» — Фома целомудренным жестом закрыл лицо руками. В конце концов, как ни бились — пришлось поместить вышеуказанное неполное и малоудовлетворительное изображение писателя.

Эта скромность, это стремление ступешаться, сесть куданибудь в уголок, спрятаться — проходить красной нитью через все поступки, через всю жизнь симпатичного писателя.

Фома Опискин почти безвыездно живет в Петербурге, а может ли кто-либо из праздной столичной публики похвастать, что видел его в лицо? Нет! Только три места могут быть названы теми тремя китами, на которых держится непритязательная тихая жизнь Фомы Опискина: квартирка на Кронверском, редак-

ция «Нового Сатирикона» и кресло в амфитеатре Мариинского театра — вот и все.

И, однако, — что самое удивительное — при такой кротости, скромности и незлобivosti, Фома Опискин носит в сердце своем ненависть — самую беспощадную неутолимую, свирепую ненависть — к октябризму и к октябристам! Я часто думаю: сколько нужно было глупости, пошлости, лжи, низкопоклонства, предательства и недомыслия, чтобы раздуть в сердце этого почти святого человека такое страшное пламя...

И если бы этому человеку, который даже упавшую к нему в стакан с вином муху старается осторожно вынуть из вина и, вытрезвив, выпустить на свободу — если бы этому человеку попался в руки живой октябрист — я содрогаюсь, представляя себе — что сделать бы с ним «кротий Фомушка», как прозвали его у нас в редакции. Он выколол бы ему глаза, оборвал уши и кусал бы долго и бил бы его ногами по самым чувствительным частям тела (однажды, в минуту откровенности, он сам признался мне, что сделал бы так...) Вот почему все его фельетоны об октябристах полны самого тонкого беспощадного яда и злости.

Почти все, что он написал (писал он только у нас, в «Сатириконе») — прошло через мои руки и я могу с гордостью назвать себя крестным отцом этого удивительного писателя и человека. Начал он писать по моей просьбе, по моему настоянию, и до сих пор у него сохранилось ласковое обращение ко мне: «дорогой папаша». В тон ему и я называю его сынком, и очень бываю доволен, когда какой нибудь фельетон или рассказ

«сынка» вызывает восхищение у читателей и товарищей по редакции...

Иногда по условию редакционной спешности нам случалось писать с ним вместе — и эта работа бывала для меня истинным удовольствием. Быстрота соображения, какая-то молниеносность в понимании моего замысла — всегда поражала меня. И я всегда удивлялся его точному ясному языку, ясности его определений и неожиданности сравнений.

После того, как нами заканчивалась какая нибудь вещь, мы поднимали длинные споры — чьим именем подписать ее.

И всегда почти его удивительная скромность выступала на сцену — Нет, Аркадий, по праву эта вещь твоя, ты дал и сюжет и внес в исполнение нотку скорбной иронии, которая так украсила фельетон. Нет, папаша, фельетон этот по праву твой!

— Но, сынок, — возражал я. — Пойми же, что фельетон весь целиком написан тобой! Ты его писал, а я сделал всего два-три замечания.

— Нет, папаша, и т. д. И, с упрямым видом, поблескивая кроткими, ласковыми глазами, он долго тербил свою рыжеватую маленькую бородку...

Не знаю, может быть, меня упрекнул в пристрастии к Фоме Опискину, но я говорю, что думаю; я считаю эту книгу замечательной. Блеск, сила, темперамент, сжатость выкованного мастерской рукой слога, ошеломляющий своей неожиданностью юмор — все это должно поставить эту книгу в ряд интереснейших книг последних лет.

Такие вещи, как «Грозное местоимение», «Виктор Поликарпович», «Новые Правила» и несколько других — помещенных в этой книге — должны занять почетное место в любой хрестоматии нашей общественной и политической жизни — если бы такая хрестоматия была кемнибудь когданибудь выпущена в свет.

Аркадий Аверченко.